

ЖДАНОВ Владислав Леонидович,
старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН,
докторант Института философии и права Уральского отделения РАН,
кандидат политических наук
E-mail: vladislav.zhdanov@gmail.com

Специальность 23.00.01 – Теория политики, история и методология политической науки

«ПОЛИТИКА» И «ВЛАСТЬ» – СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Аннотация: в статье рассматривается соотношение понятий политика и власть в контексте космической направленности. Анализируются основные аспекты соотношения этих двух понятий: военно-политический, юридический, экономический и информационный. Акцентируется внимание на том, что политическая власть, реализуя космическую политику, трансформирует свой функционал, адаптируя иерархию функций и целей под вызовы текущего момента.

Ключевые слова: политика, власть, космическая политика, национальная безопасность, космическая деятельность.

ZHDANOV V.L.

“POLITICS” AND “POWER” – CORRELATION OF CONCEPTS

The summary. The article considers the correlation of the concepts of politics and power within the context of space area. The focal points of these two concepts correlation are analyzed: military and political, legal, economic and informational. The focus is placed on the fact that political power, when implementing space policy, transforms its functionality adapting the hierarchy of functions and objectives for the challenges of the moment.

Key words: politics, power, space policy, national security, space activity.

В русский язык слово «власть» пришло из церковнославянского, где *волость* означало «область, территория, государство»; родственное польское слово *wlosc* (глагольная форма – *wolodeti*) имеет то же значение. Таким образом, изначально в славянском лингвистическом поле под «властью» подразумевалось обладание неким пространством. Английское же *power* восходит к латинскому термину со значением «искусство», понимаемому римлянами как возможность или способность объекта А воздействовать на объект (или субъект) В и не имеющее привязки к пространственным категориям [29, стр. 92-100].

Стоит отметить, что «Sea Power», небезызвестный концепт Альфреда Мэхана, как раз находится в русле данной «западноевропейской» традиции: не обладание пространством как

цель, но способность оказывать влияние на него через систему морских баз и Флот. Немецкое *macht* («власть, влияние») родственно русскому «мощь»; если *Reichswehr* (Рейхсвер, первый государственный институт в Германии, начавший осуществлять космическую программу) можно перевести как «Оборона Государства», или, другими словами, «Силы самообороны», – другую картину мы видим после 1935 г., когда Гитлер начал преобразования военных институтов: не *Reichswehr*, но *Wehrmacht* – «оборона» через «власть». Определение власти, данное Максом Вебером еще в начале XX века и считающееся классическим, тоже вполне созвучно такому подходу: «Власть означает любую закрепленную социальными отношениями возможность настаивать на своем даже при наличии

сопротивления, независимо от того, в чем эта возможность выражается...» [9] – как видим, и здесь под термином «власть» разумеется в первую очередь некая способность.

Профессор Высшей школы экономики (Москва) Валерий Ледяев в своей работе «Власть: концептуальный анализ» приводит интересный лингвистический разбор слова «власть», удачно перекликающийся со сделанным нами ранее анализом первоначальных национальных школ космической политики [29, стр. 92-100].

Любопытна генеалогия еще одного английского слова, синонимичного *power*, – *authority* («власть, влияние, авторитет»): лат. *Auctoritas* [28, стр. 67] (из многих значений которого выделим такие как «полная власть, полномочие; повеление, приказание» и «значение, вес, влияние, авторитет»); *auctor* («виновник»; «основатель, устроитель»; «руководитель» и др.); *augeo* («содействовать росту, оживлять»; «увеличивать, умножать, усиливать»; «превозносить, возвышать»; «щедро наделять, обогащать»). Вполне очевидно, что одну из главных функций власти граждане Рима видели именно в «усилении», «возвышении» и «обогащении» вверенного ее заботам общества; столь же очевидно, что эту трактовку они передали – вместе с выражающим ее термином – покоренным ими европейским народам, чьи национальные языки развивались под мощным влиянием языка завоевателей.

Большинство исследователей разделяет положение, выдвинутое тем же М. Вебером [9; 10; 11; 12; 23], о проблеме власти как стержневой для политической науки, как ее объекте и движущей силе [24]. «Политика, судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти... Кто занимается политикой, тот стремится к власти» [9, стр. 646]. Правда, в 1995 г. Вячеслав Халипов разработал новую, «неполитическую», науку о власти – кратологию [48], однако, позиционируемая как дисциплина «теолого-научная», она находится вне сферы наших изысканий.

Космическая политика есть способ и средство реализации именно политической власти [3; 4; 5; 6; 14; 30; 31; 43]. С одной стороны, космическая политика на современном этапе превратилась в один из основных инструментов осуществления власти; с другой – она сама по себе выступает как проявление власти, её знаковый

атрибут. Политическая власть, реализуя космическую политику, трансформирует свой функционал, адаптируя иерархию функций и целей под вызовы текущего момента. Не случайно, скажем, введение к глубокому исследованию Г.С. Хозина «Великое противостояние в космосе (СССР – США)» автор назвал чрезвычайно «информоёмко»: «В космос... за господством на Земле?» [49, стр. 6] Здесь же Г.С. Хозин приводит весьма яркую иллюстрацию данного тезиса, напомнив, «где и при каких обстоятельствах мировая научная общественность узнала о намерениях Советского Союза запустить свой первый искусственный спутник Земли. Это произошло в 1956 году в Барселоне на Ассамблее Специального комитета по проведению Международного геофизического года... в средневековом дворце, том самом, где 450 лет назад Христофор Колумб докладывал испанской королеве Изабелле о результатах своего плавания в Новый Свет – к берегам Америки. Человечество приближалось к порогу новой эры, когда ему открывался еще один «Новый Свет» – Солнечная система и Вселенная. И даже сейчас трудно сказать, что больше беспокоило в то время политических руководителей СССР и США: прорыв человечества в космос или символическое лидерство их государств в борьбе за мнимое господство на планете Земля...» [49, стр. 6].

При рассмотрении связки «власть – космос» системный подход опять оказывается надежным подспорьем. Конкретные формы актуализации власти посредством космической активности сами составляют целостную систему взаимосвязанных элементов: военно-политическое измерение, юридическое, экономическое, информационное.

Вот одни из наиболее значимых на сегодня аспектов, которые стоит рассмотреть. Военно-политический аспект, либо просто военный, поскольку специально выделять «политическое», когда речь идет о власти, может показаться тавтологией: перефразируя Маяковского, мы говорим власть – подразумеваем политика, а также тесно сопряженный с ним аспект национальной безопасности [8; 13; 15; 21; 22; 27; 32; 33; 34; 40; 41; 42; 45; 46; 47].

«Из космоса легче нападать, из космоса легче защищаться» [35, стр. 105] – наиболее краткая формулировка для иллюстрации военно-прикладной плоскости власти «через» космос.

Военно-политические задачи эффективнее решать через космос. Подтверждение этому тезису многочисленны: начиная с 1944 года – года массового применения Фау-2, – через рейгановскую «Стратегическую оборонную инициативу», и далее к установке систем ПРО в Европе и в Беринговом море. Не власть над космосом, но власть «через» космос характеризует эти практики. Фау-2, минуя «старое» пространство, контролируемое авиацией и системами ПВО, через космос, используются Гитлером для обстрела Лондона. Система противоракетной обороны с помощью спутников наводит и ракетами уничтожает ракеты противника на баллистической траектории – то есть опять же через космос.

Константин Циолковский заявил когда-то: «Я не работал никогда над тем, чтобы усовершенствовать способы ведения войны; это противно моему духу. Работая над реактивными приборами, я имел мирные и высокие цели: завоевать Вселенную для блага человечества» [50]. Подобной «романтической» точки зрения, как указывает Г.С. Хозин, придерживался и выдающийся немецкий теоретик космонавтики Г. Оберт. Задолго до начала космической эры человечества он писал: «...я чувствую, насколько близоруки государства, соперничающие между собой, и как просто покончить с этим соперничеством в процессе международного сотрудничества. Понимая, насколько богаты возможности космонавтики в преодолении барьеров, разделяющих государства, в содействии прогрессу науки и использованию талантов из всех стран, будем надеяться, что в недалеком будущем работы хватит на всех...» [49, стр. 14].

Однако было бы, наверно, непростительной наивностью ожидать, что руководители государств, получивших в свое «владение» космическую мощь, не используют ее для устрашения потенциальных противников на Земле.

Г.С. Хозин предлагает учитывать и еще один нюанс. «Поскольку наиболее «привычным» и нередко приносившим успех более сильной стороне методом реализации национального интереса долгое время была и, к сожалению, нередко до сих пор остается военная сила, то и любое новое достижение науки и техники, любую открывающуюся возможность в политике и экономике высшие государственные руководители рассматривают прежде всего сквозь

призму их использования в военной области, как средства принуждения “недружественных” государств и одновременно укрепления военной мощи военно-политических группировок, членами которых они являются» [49, стр. 79].

С началом освоения космоса военные возможности государств, принимающих в нем участие, неизмеримо возросли – в самом буквальном смысле «вознеслись до небес». Самоочевидно, что именно укрепление «космических» позиций отдельных держав послужило важнейшим фактором отметившей всю вторую половину прошлого века эскалации гонки вооружений и вполне реальной ядерной угрозы. На рубеже тысячелетий, в первую очередь за счет соответствующих усилий российской дипломатии, порой, увы, даже с ущербом для геополитических интересов самой России, международная напряженность заметно смягчилась, тем более нервно, скажем так, восприняла широкая общественность очередной виток ее нагнетания, начавшийся несколько лет назад. Специалисты с тревогой говорят о возможности появления «новых форм вооруженной борьбы – космической стратегической операции по завоеванию господства в космосе и проведению стратегических операций как для прикрытия территории, так и при нападении... научно-технический потенциал ряда стран, и в первую очередь США, приблизился к такому уровню, который позволяет им осуществлять военные программы по подготовке к ведению звездных войн. Поэтому столь насущной становится проблема выработки взаимопонимания для перевода политического консенсуса в отношении этого вопроса в плоскость многосторонних международных переговоров» [16, стр. 11].

Всем известны инициативы, предпринятые руководством России с целью восстановления баланса сил на международной арене. В 2008 году, в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации, Президент РФ Д.А. Медведев заявил: «Отмечу, что явно перерезел вопрос создания новой глобальной архитектуры безопасности...», – добавив: «от того, с чем нам приходится сталкиваться в последние годы (А что это? Это – конструирование глобальной системы ПРО, окружение России военными базами, безудержное расширение НАТО и другие «подарки» России) – складывается устойчивое впечатление, что нас просто испытывают на

прочность. В гонку вооружений мы, конечно, втянуть себя не дадим. Но не учитывать все это в нашем оборонном строительстве – не можем. И безопасность граждан России будет и впредь обеспечиваться надежно» [2]. В апреле 2010 года российский Президент Дмитрий Медведев и Президент США Барак Обама подписали в Москве Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-III), рассчитанный на 10 лет. Однако, комментируя принятие Договора, Д.А. Медведев подчеркнул, что он «может быть действенным и жизнеспособным» только в условиях отсутствия качественного и количественного наращивания американской системы ПРО, которая «может быть угрозой для российских стратегических сил» [39]. Так что проблема американских ПРО, по выражению директора Международного института политической экспертизы Е. Минченко, остается «камнем преткновения» в отношениях двух ведущих космических держав [36].

Еще один аспект, в котором может рассматриваться соотношение «космос» и «власть», – юридический. В каком-то плане он выступает как противовес предыдущему (военному), в каком-то – обеспечивает ему правовую поддержку; это зависит от того, которая из двух главных опций военного функционала срабатывает в каждом конкретном случае: «атакуй» или «защищайся», нападение или оборона. В то же время это достаточно автономный аспект проблемы. Право – один из основных источников власти. Любые действия в рамках космической политики неизбежно затрагивают интересы не одного только государства-проводника этой политики, но и, как правило, всего международного сообщества, что естественным образом приводит к тому, что правоотношения в этой сфере оказываются в основном международными. Базовым институтом правовых норм, регулирующих деятельность по освоению космического пространства и космическую политику отдельных государств, выступает одна из самых молодых отраслей юриспруденции – международное космическое право. Центральный международный законодательный орган в сфере космической политики – Комитет ООН по использованию космического пространства в мирных целях, созданный в 1958 г. 18 государствами [52, стр. 94].

В нормах международного космического права находят отражение не только формально

прописанные принципы – равный доступ, над-суверенность, так называемые «частичная демилитаризация космического пространства» и «полная демилитаризация небесных тел» [20, стр. 28] и т.п., но и некие попытки закрепить имеющееся технологическое превосходство одних стран над другими. Космическая политика находится в правовом поле, несмотря на то, что само понятие «космическое пространство» вообще не прописано ни в одном из документов, имеющих отношение к международному космическому праву, – его режим определяется «действующими международными соглашениями... в соответствии с международным правом, включая Устав ООН, в интересах поддержания международного мира и безопасности» [25, стр. 10]. Вопрос об определении границ космического пространства – его принято определять как проблему «демилитаризации» космического пространства – остается открытым. А ведь космическая политика, вполне в духе той «родословной» русского слова власть, о которой писал В. Ледяев, направлена прежде всего на операции с пространством: на его колонизацию, изучение и использование в собственных целях.

Если государственный суверенитет – власть государства – имеет территориальный характер, то, в противоположность этому, «космос во всем своем единстве является международным пространством, открытым для доступа и исследования всеми странами» [37, стр. 18]. Согласно статье VIII «Договора о космосе», «государство – участник Договора, в регистр которого занесен объект, запущенный в космическое пространство, сохраняет юрисдикцию и контроль над таким объектом и над любым экипажем этого объекта во время их нахождения в космическом пространстве», в том числе и на небесном теле». Из этого положения «вытекает, что при нахождении в пределах территории иностранного государства космический объект может подчиняться либо юрисдикции органов государства регистрации, либо юрисдикции государства местонахождения» [25, стр. 9-10].

Существует множество других, не менее серьезных правовых проблем при определении юрисдикции (иными словами, пределов власти) тех или иных государств либо их институтов в рамках космической политики. Такие проблемы возникают, в частности, при реализации международных проектов – например, космических

станций (МКС или ISS). Соглашение о МКС предусматривает, что каждое из государств сохраняет юрисдикцию и контроль над теми элементами станции, которые оно регистрирует [37, стр. 19]. На сегодняшний день есть пока одна орбитальная станция, которая эксплуатируется в уникальном международно-правовом режиме.

Рассматривая Россию в качестве одного из наиболее активных факторов космической деятельности, нельзя обойти стороной ее участие в Международной космической станции (МКС) – проекта, уникального с многих точек зрения. В контексте данной работы особенно интересно проанализировать правовые основы существования МКС.

Отметим, что само наличие МКС уже говорит о том, что ведущие космические факторы придают большое значение практическому освоению космического пространства. С этих позиций орбитальная станция может рассматриваться как первая ступень, как некий промежуточный этап на пути к действительно широко-масштабному освоению как орбит, так и близлежащих небесных тел – Луны и, особенно, Марса.

В России основным действующим нормативным актом в сфере космической политики является Закон РФ «О космической деятельности» [1], направленный «на обеспечение правового регулирования космической деятельности в целях развития экономики, науки и техники, укрепления обороны и безопасности России и дальнейшего расширения международного сотрудничества. Таким образом, законодательно закреплен принцип соответствия космической политики национальным интересам России, в том числе и геополитическим [25, стр. 14-15].

Не менее важен и еще один аспект рассматриваемых отношений – экономический. Автор настоящей статьи посвятил данному вопросу специальную монографию [17, стр. 59]; здесь мы представим некоторые из сделанных выводов.

Пожалуй, наиболее остро среди экономических проблем к сегодняшнему дню встает проблема энергетическая, ибо производство и распределение энергии в наше время является не только экономической, но и политической категорией – достаточно вспомнить все последние конфликты за обладание энергоресурсами и/или их транспортировку. Нет предпосылок считать,

что накал страстей вокруг обладания энергоресурсами в ближайшем будущем пойдет на спад; более того – совершенно очевидно, что противостояние в этой сфере будет все более нарастать. Таким образом, энергоэкономика, возможно, скоро выделится в самостоятельную дисциплину, внешне находящуюся вне поле действия законов классической экономики. Сегодня борьба идет вокруг запасов углеводородного сырья и контроля над технологиями ядерного синтеза, но одновременно и параллельно идет поиск новых источников энергии, свободных от недостатков старых, – с одной стороны, от ограниченности их запасов, с другой – от техногенных рисков, способных перечеркнуть все экономические выгоды от использования старых технологий. «Следующий этап развития мировой энергетики характеризуется насыщением энергетической мощности в атмосфере Земли до уровня, близкого к предельно допустимому, что потребует вынесения энергоемких производств за пределы земной атмосферы. Дальнейший рост энергетики будет связан с ростом внеземной промышленной инфраструктуры и космической экспансией человечества» [44, стр. 16].

«Тенденция переориентации космической деятельности с изучения космического пространства на промышленное его освоение, как это следует из концепции развития пилотируемой космонавтики, ... будет способствовать созданию принципиально новой научно-технической, политической, стратегической, психологической ситуации в обществе...» [51, стр. 28] – читаем в материалах научных чтений памяти К. Циолковского. Участники чтений присматриваются к Луне, причем в практическом аспекте: «Луна, обладающая уникальными природными условиями, рассматривается как база для решения многих задач. Если на начальных этапах развития космонавтики речь шла о лунных экспедиционных комплексах, в настоящее время во главу угла ставится проблема производственного освоения Луны» [7, стр. 34].

Актуальность экономического обеспечения космической политики обусловлена не только вопросами рационального использования ограниченных бюджетных ресурсов, но и перспективами создания новой, инновационного типа, национальной экономики. В области освоения космического пространства Россия накопила колоссальный опыт, который мог бы стать

опорой при формировании новых экономических реалий, «завязанных» на космических технологиях. На взгляд автора, в условиях временных и экономических ограничений, разброс ресурсов на множество инновационных направлений, типа нанотехнологий, где Россия не имеет интеллектуально-эмпирического «задела» – предприятие достаточно рискованное с экономической точки зрения. В то же время, в космической отрасли Российская Федерация имеет если уже не преимущество, то пока, во всяком случае, паритет с основными мировыми факторами, и способна создавать собственные экономические тренды.

Россия, являясь пионером освоения космического пространства, проявляет активную позицию в практическом освоении и использовании космоса. Бюджетные расходы на национальную космическую политику являются поистине астрономическими, да простят нам игру слов. Одной из актуальных задач при проведении космической деятельности является рациональное, эффективное использование средств, направляемых в эту отрасль. Особенно принципиально это для России, которая, стремясь сохранить паритет в освоении космоса с Евросоюзом, США и Японией, тем не менее, существенно уступает им в экономическом развитии. (Добавим, объективности ради, что Россия достаточно уверенно чувствует себя в этой экономической нише, имея паритет с экономикой, в несколько раз превосходящими ее как по показателю ВВП, так и по расходам на космические программы – США и ЕС) [17, стр. 67].

В мировом масштабе, доходы от коммерческого использования космоса не идут в сравнение с общемировыми расходами на его освоение. Тем не менее, ряд стран проводят более взвешенную космическую политику в сфере коммерческого освоения околоземного пространства. К сожалению, Россия не в их числе.

Остается добавить, что с экономическим аспектом проблемы «власть «чрез» космос» тесно связан аспект технико-технологический, который именно потому мы не стали выносить отдельным пунктом.

На равнее с вышеупомянутым аспектом, существует такой аспект проблемы, который на сегодняшний день словно бы объединил в себе все вышеотмеченные – собственно-политический, юридический, экономический

и который, в то же время, представляет совершенно особую и самостоятельную грань отношений «космическая политика – власть». Этот аспект – информационный.

Сегодня считается, что «космонавтика передает эстафету лидирующей технологии – информатике, кто владеет и быстрее других ведет обработку истинной, а не ложной информацией, тот будет владеть миром в XXI» [38]. Кроме власти через авторитет, право или насилие (классические определения источников власти), еще и власть через информационную доминанту – вот что характеризует космическую политику.

Информационное обеспечение из космоса «переводит информатику страны в такой вид космической деятельности в системе национальной безопасности, как информационная безопасность. В будущем информационное обеспечение безопасности – это комплексная защита общественно-политического, государственного и военного управления от возможного специализированного воздействия вероятного противника как по линии его подавления и разрушения, так и от несанкционированного проникновения и использования» [52, стр. 95].

Если военный аспект власти «через» космос скорее соответствует насилию, как источнику власти, то информационные технологии воздействия на общественное сознание «через» космос можно рассматривать как своего рода осевую технологию доминирования в информационном обществе. Более того, именно информационный аспект власти через космос и есть наиболее перспективный, с точки зрения практической политологии, вектор диффузии власти и космической политики, способный в значительной мере детерминировать общественно-политическое развитие на современном этапе. Сложно не согласиться с выводом, сделанным Б. Киви в его нашедшей работе «Гигабайты власти» [26]: современные информационные технологии сами по себе не являются ни «плохими», ни «хорошими». Они таковы, каково использующее и развивающее их общество.

Можно сколько угодно опровергать тезис о том, что именно рекордное падение цены на нефть предопределило развал СССР, однако не вызывает сомнения, что появление на орбите первого космонавта из Саудовской Аравии (Султана ибн Салмана ибн Абделя Азиса ас-Сауда, который, «по-совместительству»,

является прямым потомком (внуком) основателя династии Саудитов и племянником действующего главы государства) хронологически совпало с минимальным уровнем цены на «черное золото». Является ли космическая политика мощным инструментом во внешнеполитической игре? Безусловно. Другое дело, что здесь скорее имел место комплекс мер, в котором космическая политика больше дополняла действия администрации Рональда Рейгана, чем служила несущей конструкцией, во всяком случае, на Ближневосточном направлении. Замечу, что СССР ответил запуском на околоземную орбиту представителя Партии арабского социалистического возрождения двумя годами позже. Имело место использование космической политики для укрепления позиций на Ближнем Востоке – другими словами, космическую политику рассматривали как реально действующий источник власти «через авторитет».

В заключение хотелось бы отметить, что космическая политика выступает своеобразным агентом трансформации теорий власти. Политическая власть, реализуя космическую политику, меняет свой функционал

через смещение иерархий функций и целей. Космическую политику можно рассматривать как знаковый, индикативный атрибут власти как таковой.

Одна из составляющих космической политики – власть «над» космическим пространством, однако современный институт правовых норм всячески подчеркивает недопустимость этого, оставляя в то же время неопределенным сам термин «космическое пространство». Власть «через» космическое пространство находит отражение как в военных, так и в информационно-идеологических функционалах космической политики, следуя в духе атлантических традиций не контроля над пространством, но контроля над трафиком (не важно, товарным или информационным). Можно предположить, что космическая политика создала базу для появления нового источника власти – информационных практик.

Космическая политика неразрывно связана с классическими источниками власти: насилием (через военный функционал), правом (Международное Космическое Право) и авторитетом (допуск на орбиту в обмен на внешнеполитические уступки).

Список литературы

1. Закон Российской Федерации «О космической деятельности» от 20.08.1993 г. № 5663-1 // Собрание законодательства Российской Федерации – 1996. – № 50. – ст. 5609.
2. Послание Президента России Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации 05 ноября 2008 года. URL: <http://www.kremlin.ru/>
3. Артамонова Г.К., Анохин П.В., Ильичев В.В., Минаков И.А., Реуф В.М. «Сильное государство»: общая характеристика политико-правовой концепции // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 27-34.
4. Артамонова Г.К., Анохин П.В., Реуф В.М. Государственный интерес: теория и практика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 40-42.
5. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Оль Е.М., Реуф В.М., Яковлев О.Н. Эффективность государственной политики и правовое регулирование // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 50-55.
6. Байтин М.И. Государственная и политическая власть. – Саратов, 1972.
7. Брюханов Н.А., Севастьянов Н.Н., Сизенцев Г.А., Синявский В.В., Сотников Б.И., Стойко С.Ф. Задачи освоения Луны // Материалы ХLI Научных чтений памяти К.Э. Циолковского. Калуга, 2006.
8. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение. – СПб.: Фонд «Университет», 1999. – 192 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
9. Вебер М. Избр. произв. М.: Прогресс, 1990.
10. Вебер М. Национальное государство и народнохозяйственная политика // Политические работы. – М., 2003.
11. Вебер М. Политика как призвание и профессия // М. Вебер. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. – М., 2006.
12. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. – М., 2006.
13. Возженников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. – М., 2000.
14. Гомеров И.Н. Государство и государственная власть. – М., 2002.
15. Горбашев В.В., Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Политическая, правовая система общества и национальная

- безопасность государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 21-29.
16. Гриценко А.И. Динамика развития международных отношений в космическом сотрудничестве: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2007.
  17. Жданов В.Л. Экономические перспективы космической политики России на современном этапе. М.; Екатеринбург, 2009.
  18. Жданов В.Л. Космическая политика и власть // Мир политики и социологии. – 2012. – № 10. С. 55-59.
  19. Жданов В.Л. Проблема генезиса космической политики // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 40-46.
  20. Жуков Г. П. Космическое право, М.: Международные отношения, 1966.
  21. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран-участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17). – С. 111-117.
  22. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.
  23. Игнатьева О.А. Реконструкция концепции власти М.Вебера и ее методологическое значение // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 67-78.
  24. Ильин М.В., Мельвиль А.Ю. Власть // Политические исследования 1997. № 6. С. 146–163.
  25. Карп К.А. Введение в космическое право. М.: МАИ, 2009.
  26. Киви Б. Гигабайты власти. – URL: <http://gbop.nm.ru/htm/index.htm>
  27. Колокольцев В.А. Государственные интересы России в контексте концепции национальной безопасности. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004.
  28. Краткий латинско-русский словарь. М.: ГИС, 1941.
  29. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: Роспэн, 2001. С. 92-100.
  30. Луман Н. Власть. М., 2001.
  31. Любашиц В.Я. Государственная власть: понятие, особенности и виды // Правоведение. – 2002. – № 6.
  32. Максименко Н.Г., Реуф В.М., Тарайко В.И. Национальная безопасность в России: некоторые вопросы нормативно-правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 39-42.
  33. Максименко Н.Г., Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Государственно-правовая идеология и политика обеспечения национальной безопасности // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 89-96.
  34. Мамонов В.В. Понятие и место национальной безопасности в системе конституционного строя России // Журнал российского права. – 2003. – № 6.
  35. Матвейчев О.А. Политические онтологик. М.: Соверо-принт, 2001.
  36. Минченко Е. Консалтинг – исследования, аналитика, PR, GR. URL: http://www.minchenko.ru/press/press_138.html
  37. Огородов Д. Право на космос // Вокруг света. – 2008. – № 7.
  38. Оноприенко В.Д. Космонавтика и национальная экономическая безопасность России // Космонавтика и устойчивое развитие общества. URL: <http://www.ihst.ru/~akm/c9.htm>
  39. Проигравших нет. Новый договор по СНВ подписан.//URL: http://www.ryzkov.ru/look_new.php?id=10069
  40. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Механизм обеспечения национальной безопасности в России: некоторые вопросы правовой теории и идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 28-35.
  41. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Национальная безопасность России и механизм ее обеспечения: государственно-правовая идеология и институциональные основы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 114-121.
  42. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Политико-правовая система общества и национальная безопасность России: современные проблемы государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 89-92.
  43. Ромашов Р.А. Государство: территория, население, власть. – СПб. – Пушкин, 1998.
  44. Сизенцев Г.А., Сиянский В.В., Соколов Б.А., Сотников Б.И., Семенов В. Ф. Космическая техника в решении экологических кризисов мировой энергетики // Материалы XLI Научных чтений памяти К.Э. Циолковского. Калуга, 2006.
  45. Тарайко В.И. Национальная безопасность России и охрана окружающей среды // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 61-67.
  46. Федорова О.Г. Концепция национальной безопасности России и роль частных охранных структур в ее реализации // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2001. – № 4(12). – С. 28-32.
  47. Хабибулин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность российского государства: политико-правовое исследование. – М.: Формула права, 2008.
  48. Халипов В. Кратология. Наука о власти. М.: Ось-89. 2002.

49. Хозин Г.С. Великое противостояние в космосе (СССР – США). М.: ВЕЧЕ, 2001.
50. Циолковский К.Э. Реактивный прибор, как средство полета в пустоте и в атмосфере. Архив АН СССР, ф. 555, д. 33, л. 1-9.
51. Цыганков О.С. Технологическая деятельность экипажа на начальном этапе промышленного освоения недр луны // Материалы ХLI Научных чтений памяти К.Э. Циолковского. Калуга, 2006.
52. Явчуновская Р.А. Космос – новая сфера геополитических отношений М.: РАГС, 2007.
53. International encyclopedia of the social sciences. N.Y., 1968. P. 556.

